

В тихом уединенном дворике разносились нежные звуки циня. Игре еще не доставало беглости и мастерства, но в ней чувствовалась живая душа. Однако мысли исполнительницы явно витали где-то далеко: ближе к концу мелодия утратила стройность, а после фальшивого аккорда и вовсе оборвалась.

Бань-ся, взглянув на понурую барышню, тихонько вздохнула и подошла ближе.

— Барышня, если вы утомились, то на улице сегодня на удивление погожий день. Не прогуляться ли нам по саду?

Дайюй и впрямь надеялась успокоить мысли за инструментом, но игра лишь сильнее разбредила душу, напроць лишив музыку гармонии. Отступившись, девочка замерла перед инструментом, отрешенно глядя на натянутые струны.

Вот уже пять дней она не видела отца. Вернее сказать, с тех самых пор, как в их усадьбе поселился Великий князь Жуй, Линь Хай ни разу не возвращался из своего управления.

Признаться, Дайюй не понимала, какие отношения связывают Великого князя с ее отцом, но гость ей не нравился. С его появлением привычный уклад жизни рухнул. Отец пропадал на службе, третий брат, Сяо Чжюань, тоже целыми днями где-то пропадал и, хоть и выкраивал минутку навестить ее, выглядел измотанным и озабоченным. И хотя Шестой принц, Сыту Цзинь, каждый день старался развлечь ее, гнетущая атмосфера, воцарившаяся в усадьбе, тревожила девочку все сильнее.

Матушки не стало, теперь у нее остался только отец, и Дайюй было невыносимо тяжело, а поделиться своей печалью — не с кем. Брат слишком занят, Шестой принц ее тревог не поймет, а господин Гу и вовсе отпросился в поездку под предлогом визита к старому другу. Скорее всего, ученый муж просто сбежал, устав от напряжения.

Бань-ся видела тоску своей барышни, но ничем не могла помочь. Слуги тоже чувствовали неладное, но гость был Великим князем. Пока он сам не пожелает отбыть, никто в доме не смел и слова молвить.

К счастью, Сюэянь была еще совсем юна. Избалованная добрым отношением хозяев, она отличалась бойким нравом и тут же попыталась развеять тоску госпожи:

— Барышня, а барышня! Говорят, в саду сливы зацвели. Пойдемте взглянем? Заодно срежем веточку для вазы, вы ведь так любите цветы!

Грустные мысли Дайюй немного рассеялись. Улыбнувшись, она мягко пожурила девчушку:

— Совсем я тебя разбаловала. Самой ведь хочется побегать, а прикрываешься мной. Сицю, пойдика посмотри, не видно ли поблизости матушки Янь?

Сюэянь нешуточно испугалась. Воровато оглядевшись по сторонам, она взмолилась:

— Ой, барышня, не пугайте меня так! Если матушка Янь узнает, мне несдобровать!

Сицю, прекрасно понимая, что хозяйка просто шутит, решила подыграть:

— То-то же, испугалась! Барышня, матушка Янь, кажется, ушла побеседовать с матушкой Лю. Велите позвать ее?

Сюэянь вцепилась в рукав Сицю, готовая сорваться с места, и жалобно посмотрела на Дайюй:

— Милая барышня, пощадите! Если придет матушка Янь, она мне все уши прожужжит своими наставлениями!

Ее уморительно несчастный вид заставил Дайюй рассмеяться, а вслед за ней покатились со смеху и остальные служанки. Сицю шутливо щелкнула Сюэянь по лбу:

— Глупая, барышня просто подшутила над тобой. Но впредь будь осмотрительнее: попадись ты на глаза матушкам — пощады не жди.

— Я же только ради барышни стараюсь, — зашептала Сюэянь, потирая лоб. — А то ведь скоро опять явится Шестой принц.

Девчушка была слишком молода и болтлива. Дома ей многое сходило с рук, но на сей раз она перешла черту. Лицо Дайюй мгновенно потемнело.

Бань-ся как старшая служанка, воспитанная строгими наставницами, не стала ждать замечания от госпожи. Она тут же оборвала болтушку:

— Какая дерзость! Смеешь за спиной судачить о члене императорской семьи? Совсем забыла о приличиях дома Линь! Ступай в свою каморку и не показывайся, пока не осознаешь вину.

Сюэянь растерянно захлопала глазами, ища поддержки у старших подруг, но те лишь сурово молчали. Она хотела было возразить, но Сицю вовремя дернула ее за рукав, призывая замолчать.

Дайюй не вмешалась. Глупая девчонка сболтнула лишнее, и спускать такое с рук было нельзя — излишнее потворство лишь погубило бы ее в будущем.

И все же Дайюй было немного жаль неразумную служанку. Бань-ся, знавшая мягкий нрав барышни, поспешила разрядить обстановку:

— Барышня, пройдитесь все же по саду. Негоже все дни проводить в четырех стенах.

Дайюй поняла, что Бань-ся хочет остаться и наедине вразумить провинившуюся, а потому не стала возражать. Сицю и другие служанки поспешно принесли теплую накидку на меху и набросили ей на плечи.

Сюэянь все еще стояла у порога с несчастным видом. Дайюй лишь тихо вздохнула, проходя мимо.

Дело шло к последнему зимнему месяцу, сад почти полностью оголился. Единственным отрадным зрелищем оставался Сливовый сад, но идти туда Дайюй не хотелось, поэтому она просто неторопливо шла по петляющим дорожкам усадьбы.

Сянлин была кроткого нрава, но простодушной до крайности. Пока остальные служанки старательно обходили тему Сливового сада, она одна принялась настойчиво уговаривать барышню свернуть именно туда.

Это невольно вызвало у Дайюй любопытство:

— Прежде я не замечала в тебе такой любви к цветам. Почему же сегодня ты так рвешься к сливам?

Сянлин, зная, что барышня не станет гневаться, бесхитростно ответила:

— Сама я в этой красоте ничего не смыслю. Но если вы посмотрите на цветы, то наверняка напишете стихи. А ваши стихи, барышня, такие чудесные!

Столь искреннее признание заставило Дайюй пристальнее всмотреться в служанку.

— А я-то сокрушалась, что среди моих девчонок никто не тянется к знаниям, — улыбнулась она. — Что ж, раз у тебя есть желание, будешь отныне учиться грамоте вместе со мной.

Сянлин и мечтать не смела о подобной милости. Ее глаза радостно засияли, и она принялась без умолку благодарить госпожу.

Сицю, шедшая следом, хотела было что-то возразить, но промолчала. Она не была ни Бань-ся, ни тем более наставницей по этикету — советовать госпоже ей не полагалось по статусу. К тому же беды в этом не было никакой, просто у барышни появится ученица. Взглянув на сияющую от счастья Сянлин, Сицю лишь подумала, до чего же этой глупышке повезло заслужить благосклонность хозяйки.

Обретение прилежной ученицы ненадолго вернуло Дайюй душевное равновесие. Увы, радость

длилась ровно до тех пор, пока на повороте тропинки она не заметила вдали садовую беседку. И человека в ней.

Взгляд Дайюй помрачнел. Она круто развернулась, собираясь уйти незамеченной, но опоздала: навстречу ей уже спешил один из княжеских слуг.

Как бы сильна ни была неприязнь, Дайюй не могла позволить себе нарушить приличия. Перед ней был не просто гость, а Великий князь империи.

Беседка была надежно защищена от пронизывающего ветра плотными, тяжелыми занавесями с трех сторон. Внутри не было жаровни, но сырость и стужа сюда не проникали.

Едва девочка переступила порог, слуги тут же внесли медный поддон с лучшим белым древесным углем — очевидно, князь распорядился об этом заранее.

Дайюй почтительно поклонилась Сыту Жую и замерла в стороне с безучастным выражением лица, не выдающим ни тени чувств.

Своей чинной отстраненностью она сейчас невероятно напоминала отца, разве что ростом не вышла. Сыту Жуй улыбнулся:

— Присаживайся, девица Линь. Я ведь не людоед, кусаться не стану.

Слуга тут же пододвинул ей обтянутый шелком табурет. Делать было нечего — поблагодарив, Дайюй села.

Видя натянутость гостьи, князь не стал испытывать ее терпение и завел непринужденную беседу. Он поинтересовался, почему с ней нет его племянника, Сыту Цзиня, какие книги она сейчас изучает и делает ли успехи в учебе.

Сыту Жуй говорил с ней просто и дружелюбно, как заботливый старший родственник. Постепенно расспрашивая его в ответ, Дайюй почувствовала, что робость отступает. По правде говоря, она почти не знала Великого князя и тайно сердилась на него лишь за то, что его приезд нарушил покой их дома и лишил ее общества отца. Но с другой стороны, Дайюй, будучи девочкой не по годам умной и проницательной, смутно догадывалась: между князем и Линь Хаем существует какая-то тайна. Слишком уж странно вел себя отец, и это не могло не пробудить в ней любопытства.

Словно угадав ход ее мыслей, Сыту Жуй дождался, пока она окончательно расслабится, и закинул удочку:

— Тебе ведь наверняка любопытно, дитя, почему я так упорно не желаю покидать вашу усадьбу?

Внутреннее отторжение Дайюй к этому человеку понемногу таяло еще и потому, что он разговаривал с ней на равных, не выказывая снисходительности, столь привычной взрослым при общении с детьми.

Однако глупой она не была. Слегка улыбнувшись, девочка уклончиво ответила:

— Ваше Высочество наделен великой властью. То, что вы соизволили остановиться в нашем скромном доме — огромная честь для семьи Линь.

Слова прозвучали безупречно вежливо и донельзя официально.

Улыбка Сыту Жуя стала шире. Маленькая плутовка вела игру мастерски:

«Ее ведь зовут Дайюй? "Дай" означает темную краску для бровей, благородный черный... Жаль, что родилась не мальчиком, Линь Хай наверняка в глубине души скорбит об этом»

Впрочем, он тут же отогнал эту мысль. Дочери — тоже великое благословение.

Видя, что Дайюй не поддается на провокацию, князь все равно продолжил:

— Мы с твоим отцом, если разобраться, старые друзья. Но много лет назад случилось одно недоразумение, и теперь он всячески избегает встреч со мной.

В голосе Великого князя промелькнула неподдельная грусть. Дайюй твердила себе, что верить ему нельзя, однако разговор касался отца, и она не выдержала:

— Ваше Высочество и мой отец знакомы с юных лет?

Заглотив наживку, Юй-эр проявила интерес, и Сыту Жуй, сохраняя меланхоличный вид, кивнул:

— Конечно. Когда мы встретились впервые, он был лишь немногим старше тебя нынешней — примерно в тех же годах, что сейчас твой названный брат Сяо Чжюань.

Заметив, что девочка задумалась, Сыту Жуй поспешил разжечь ее любопытство еще сильнее:

— Хочешь знать, каким твой отец был в детстве?

Эти слова уязвили Дайюй в самое сердце. Ее дедушка и бабушка ушли из жизни рано, и никто из старших никогда не рассказывал ей о юности Линь Хая. В памяти девочки отец всегда оставался безупречным, величественным книжником — мягким и благородным, словно

чистейший нефрит. Неужели в детстве он был таким же? Или напоминал ее третьего брата — рассудительного и не по годам серьезного юношу?

Разгадав ее нехитрые мысли, Сыту Жуй усмехнулся:

— Небось думаешь, Юй-эр, что твой родитель с пеленок рос образцовым и послушным малым?

Дайюй кивнула. Отец просто обязан был быть прилежным ребенком — иного она и вообразить не могла.

Глядя на ее милое замешательство, Сыту Жуй добродушно рассмеялся:

— А вот и не угадала! Перед старшими он и впрямь искусно притворялся паинькой, но стоило тем отвернуться — держись. Когда мы встретились впервые, он как раз строил козни одному спесивому отпрыску знатного рода, который имел глупость его задеть. В итоге бедняга опозорился на весь город, так и не поняв, чьих это рук дело. А твой отец прятался в кустах и тихонько прыскал от смеха. Тут-то я его и поймал.

Дайюй изумленно захлопала ресницами. Неужели ее благородный отец был способен на подобные шалости? Или этот человек просто водит ее за нос?

— Думаешь, я сочиняю? — хитро прищурился Сыту Жуй.

— Но матушка Линь рассказывала, что батюшка очень рано сдал императорские экзамены, — возразила девочка. — Он все дни напролет проводил за книгами.

Она явно намекала, что на глупые проказы у ее отца попросту не оставалось времени.

Великий князь не обиделся, лишь лицо его подернулось печалью:

— Все просто, дитя. Тогда еще был жив твой дед. Твой отец, будучи единственным наследником, рос в холе и любви, окруженный заботой родителей, и характер у него был куда более живым и дерзким, нежели казалось со стороны. Но когда твой дед скончался, юному Линь Хаю пришлось везти гроб на родину, на юг. За то скорбное путешествие он изменился до неузнаваемости — в одночасье стал замкнутым, строгим и не по годам серьезным. С тех пор даже нам, самым близким его друзьям, редко удавалось пробудить в нем прежнее озорство. Именно тогда он и превратился в того безупречного, холодного мудреца, коим его привыкли видеть все вокруг.